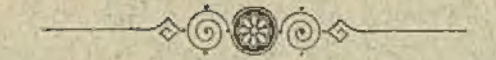

M 141/179
1897

Объ отношеніяхъ Императора Николая I и А. С. Пушкина.

Рѣчь,

произнесенная на торжественномъ актѣ Императорскаго Юрьевскаго университета 12 декабря 1896 года

проф. **Е. В. Пѣтуховымъ**.

Юрьевъ.

Печатано въ типографіи К. Матисена.

1897.

Объ отношеніяхъ

Императора Николая I и А. С. Пушкина.

Рѣчь,
произнесенная на торжественномъ актѣ Императорскаго Юрьевскаго университета 12 декабря 1896 года

проф. **Е. В. Пѣтуховымъ.**

Юрьевъ.
Печатано въ типографіи К. Матисена.
1897.

Оттискъ изъ „Ученыхъ Записокъ Императорскаго Юрьевскаго Университета“. № 2, 1897 г.

Объ отношеніяхъ Императора Николая I и А. С. Пушкина.

Мм. гг.!

Получивъ почетное порученіе историко-филологическаго факультета занять ваше вниманіе въ настоящемъ собраніи словомъ, посвященнымъ столѣтней памяти Императора Николая I (род. 25 іюня 1796), я, изъ круга вопросовъ своей спеціальности, не нашелъ предмета болѣе подходящаго для даннаго случая, какъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ чествуемаго монарха къ безспорно величайшему изъ нашихъ поэтовъ — А. С. Пушкину, дѣятельность котораго составляетъ одно изъ лучшихъ украшеній продолжительнаго Николаевскаго царствованія. Эти взаимныя отношенія, необычайно близкія для лицъ столь раздѣленныхъ между собою общественнымъ положеніемъ, исполненныя съ одной стороны благожелательности и великодушія, а съ другой — независимой прямоты, достоинства и душевнаго благородства, составляютъ любопытнѣйшую страницу въ исторіи новѣйшей нашей литературы.

Извѣстно, что воцареніе Императора Николая I (14 дек. 1825 года) и смутныя событія, его сопровождавшія, застали Пушкина въ с. Михайловскомъ (Псковск. губ.), родовомъ имѣніи его матери, въ ссылкѣ, куда онъ посланъ былъ изъ Одессы въ іюлѣ 1824 года. Поэтъ уже давно томился ожиданіемъ свободы, будучи въ сущности лишенъ ея еще со времени высылки изъ Петербурга въ маѣ 1820 года и противъ воли разъѣзжая по югу и живя то въ Крыму и на Кавказѣ, то въ Кишиневѣ, то въ Одессѣ. Онъ жаждалъ разрѣшенія жить въ Петербургѣ, привлекаемый туда и товарищескими связями, и шумомъ свѣтской жизни, и средствами къ усовер-

шенствованію своего поэтическаго дарованія. Пушкинъ употреблялъ всѣ силы, чтобы выбраться изъ Михайловскаго. Онъ желалъ „вполнѣ и искренно помириться съ правительствомъ“ (какъ писалъ въ письмѣ къ бар. А. А. Дельвигу въ январѣ 1826 года)[1]), и въ маѣ 1826 года подалъ, черезъ Псковскаго гражданскаго губернатора барона фонъ-Адеркаса, прошеніе на Высочайшее имя, въ которомъ „съ истиннымъ раскаяніемъ и съ твердымъ намѣреніемъ не противорѣчить своими мнѣніями общепринятому порядку“, просилъ дозволить ему свободный въѣздъ въ обѣ столицы[2]); въ томъ же смыслѣ писалъ онъ В. А. Жуковскому и П. А. Плетневу, надѣясь на ихъ вліяніе въ Петербургѣ[3]). Раскаяніе Пушкина, повидимому, молодымъ государемъ было принято, такъ какъ еще весною 1826 года до Пушкина стали доходить достовѣрные слухи о близкой возможности перемѣны въ его судьбѣ къ лучшему. И дѣйствительно, 28 августа 1826 года Государь подписалъ резолюцію о немедленномъ доставленіи Пушкина въ Москву, куда тотъ и прибылъ въ сопровожденіи фельдъегеря (впрочемъ, не какъ арестантъ) 8 сентября и въ тотъ же день, тотчасъ по пріѣздѣ, былъ представленъ Государю въ Чудовомъ дворцѣ. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ содержанія бесѣды, происшедшей тогда между Государемъ и Пушкинымъ, но, соображая послѣдующія обстоятельства, имѣемъ основаніе предполагать, что именно тутъ было положено прочное начало весьма близкихъ отношеній между монархомъ и подданнымъ — поэтомъ. По прошествіи недѣли послѣ этого свиданія Пушкинъ писалъ изъ Москвы П. А. Осиповой, что Императоръ его „принялъ самымъ любезнымъ образомъ“[4]), а поэтическимъ плодомъ свиданія со стороны Пушкина были извѣстные „Стансы“ 1826 года, въ которыхъ поэтъ рисуетъ идеалъ царя въ Петрѣ Великомъ и оканчиваетъ посланіе такимъ обращеніемъ къ Императору:

„Семейнымъ сходствомъ будь же гордъ,
Во всемъ будь пращуру подобенъ:
Какъ онъ, неумолимъ и твердъ,
И памятью, какъ онъ, не злобенъ[5]).

1) Соч. А. С. Пушкина. Изд. Литерат. Фонда, VII, стр. 174.
2) Соч. VII, стр. 177—178.
3) Соч. VII, стр. 172—173, 176.
4) Соч. VII, стр. 186.
5) Соч. I, стр. 7—8.

Стихотвореніе это, помимо своихъ поэтическихъ достоинствъ, по которымъ Бѣлинскій справедливо причислялъ его къ „перламъ поэзіи Пушкина", замѣчательно еще и потому, что въ немъ получило выраженіе общее увлеченіе Государя и поэта личностью великаго Преобразователя. Императоръ Николай Павловичъ былъ, въ самомъ дѣлѣ, восторженнымъ поклонникомъ Петра I, о которомъ любилъ говорить съ близкими ему людьми, въ томъ числѣ позднѣе — и съ Пушкинымъ [1]). „Вы знаете, что Петръ Великій — мой герой", говорилъ онъ однажды А. О. Смирновой по поводу „Полтавы" Пушкина, стихи которой находилъ „дивными", а содержаніе „такъ же грандіознымъ, какъ Иліада" [2]); столь же восторженно отзывался Государь и о другой поэмѣ Пушкина, посвященной Петру Великому, „Мѣдный всадникъ" [3]). Въ свою очередь, Пушкинъ, преклонявшійся какъ человѣкъ передъ личностью Петра I, отдавалъ ему, какъ поэтъ, нерѣдко свое поэтическое вдохновеніе: кромѣ упомянутыхъ поэмъ, можно назвать еще повѣсть „Арапъ Петра Великаго" и стих. „Пиръ Петра Великаго", посвященныя геніальному Преобразователю. Позднѣе, въ 1831 году, Пушкинъ предложилъ Государю поручить ему оффиціальнымъ образомъ составленіе исторіи Петра I и его наслѣдниковъ до Петра III; это предложеніе встрѣтило полное сочувствіе Государя, который далъ разрѣшеніе Пушкину пользоваться матеріалами для этого труда изъ государственныхъ архивовъ и книгохранилищъ, но, какъ извѣстно, трудъ этотъ, по многимъ причинамъ, не былъ совершенъ Пушкинымъ, для котораго все-таки историческія разысканія были дѣломъ менѣе близкимъ, чѣмъ поэтическое творчество, хотя это и не помѣшало ему высказать тонкія и вѣрныя сужденія о Великомъ Преобразователѣ и его исторической роли [4]). Насколько въ своемъ воображеніи Пушкинъ сближалъ Петра Великаго и Николая I, видно изъ одного позднѣйшаго признанія его А. О. Смирновой по поводу воспоминанія о призывѣ его Государемъ въ Москву, въ 1826 году. „Я думаю, что Петръ Великій вдохновилъ его (т. е. государя) тогда; мнѣ кажется, что мертвые

1) Записки А. О. Смирновой. Ч. I. Спб. 1895, стр. 71—72.

2) Тамъ же, стр. 221.

3) Тамъ же, стр. 223.

4) Соч. V, стр. 10—11.

могутъ внушать мысли живымъ" [1]) — говорилъ тогда Пушкинъ, и въ этомъ полумистическомъ указаніи, быть можетъ, заключается причина сопоставленія въ „Стансахъ" императора Николая I съ его великимъ державнымъ предкомъ.

Не смотря на вполнѣ чистый нравственный источникъ, изъ котораго произошло стих. „Стансы", друзья поэта упрекали его въ лести, и въ отвѣтъ на этотъ упрекъ Пушкинъ въ началѣ 1828 года пишетъ стих. „Друзьямъ", на половину посвященное характеристикѣ своихъ отношеній къ Императору:

Нѣтъ, я не льстецъ, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смѣло чувства выражаю,
Языкомъ сердца говорю!
— — — — — — — — — — —
Текла въ изгнаньѣ жизнь моя,
Влачилъ я съ милыми разлуку,
Но онъ мнѣ царственную руку
Подалъ — и съ вами снова я!

А о самомъ Государѣ поэтъ говоритъ:

О нѣтъ, хоть юность въ немъ кипитъ,
Но не жестокъ въ немъ духъ державный:
Тому, кого караетъ явно,
Онъ въ тайнѣ милости творитъ [2]).

Извѣстно, что это стихотвореніе, представленное Пушкинымъ черезъ гр. Бенкендорфа Государю, было принято имъ сочувственно, но вмѣстѣ съ тѣмъ выражено было желаніе, чтобы оно осталось ненапечатаннымъ.

Въ связи со стих. „Друзьямъ" находится и еще одно произведеніе Пушкина, его записка „О народномъ воспитаніи", составляющая одно изъ первыхъ его сочиненій по возвращеніи изъ деревенской ссылки, помѣченное 25 ноября 1826 года. Предметъ этой записки внушенъ былъ Пушкину самимъ Государемъ, воля котораго была передана Пушкину гр. Бенкендорфомъ, въ письмѣ отъ 30 сентября 1826 года, въ такихъ выраженіяхъ: „Его величество совершенно остается увѣреннымъ, что вы употребите отличныя способности ваши на преданіе потомству славы нашего отечества, предавъ вмѣстѣ

———

1) Записки А. О. Смирновой, стр. 267.
2) Соч. II, стр. 29.

безсмертію имя ваше. Въ сей увѣренности Его императорскому величеству благоугодно, чтобы вы занялись предметомъ о воспитаніи юношества. Вы можете употребить весь досугъ; вамъ предоставляется совершенная и полная свобода, когда и какъ представить ваши мысли и соображенія. И предметъ сей долженъ представить вамъ тѣмъ обширнѣйшій кругъ, что на опытѣ видѣли совершенно всѣ погубныя послѣдствія ложной системы воспитанія". Послѣдняя фраза, какъ видно, не лишена ядовитости и составляетъ, безъ сомнѣнія, собственную прибавку гр. Бенкендорфа къ выраженію государевой воли. Пушкинъ молчалъ. Тогда отъ гр. Бенкендорфа не замедлило послѣдовать напоминаніе, въ отвѣтъ на которое Пушкинъ и прислалъ записку „О народномъ воспитаніи". Наскоро составленная на заданную тему, небольшая по объему, записка эта не могла заключать въ себѣ чего-либо особенно новаго и важнаго въ разсмотрѣніи обширнаго вопроса о воспитаніи, но она весьма замѣчательна прямотой и искренностію выраженныхъ въ ней сужденій. Записка Пушкина была проникнута глубокой вѣрой въ нравственную силу просвѣщенія, способную сохранить и общество и государство отъ непоправимыхъ заблужденій: „одно просвѣщеніе — говорилъ онъ — въ состояніи удержать новыя безумства, новыя общественныя бѣдствія"; онъ требовалъ умноженія и лучшаго устройства учебныхъ заведеній, отмѣны въ нихъ тѣлесныхъ наказаній, стоялъ за укрѣпленіе добрыхъ нравственныхъ отношеній между воспитанниками, видѣлъ въ хорошемъ преподаваніи исторіи могучее средство правильнаго и разносторонняго воспитанія ума[1]). Записка понравилась Государю, но автору, черезъ гр. Бенкендорфа, сдѣлано было замѣчаніе, что онъ слишкомъ преувеличиваетъ силу просвѣщенія, которому была противупоставлена нравственность, усердіе и проч. Надо думать, что тутъ гр. Бенкендорфъ коечто прибавилъ и отъ себя, — иначе едва ли бы были одобрены Государемъ слѣдующіе заключительные стихи „Стансовъ", характеризующіе льстеца царева:

„Онъ скажетъ: просвѣщенья плодъ —
Развратъ и нѣкій духъ мятежный!
Бѣда странѣ, гдѣ рабъ и льстецъ

1) Соч. V, стр. 43—47.

Одни приближены къ престолу,
А небомъ избранный пѣвецъ
Молчитъ, потупя очи долу [1]).

Едва ли въ этихъ послѣднихъ стихахъ Пушкина нѣтъ прямого намека на самого Бенкендорфа. Оба эти человѣка не любили другъ друга, и это вполнѣ понятно. Сухой, безсердечный, узко и строго исполнительный (за что и былъ цѣнимъ Государемъ), Бенкендорфъ съ неудовольствіемъ видѣлъ въ Пушкинѣ великую просвѣтительную силу, самъ не сочувствуя ни просвѣщенію вообще, ни литературѣ въ частности. Въ своихъ вѣжливыхъ по внѣшности письмахъ къ Пушкину онъ хвалилъ его поэтическій талантъ только потому, что къ Пушкину былъ внимателенъ самъ Государь, и не упускалъ случая, гдѣ можно, взглянуть на великаго поэта свысока — какъ на человѣка, занимающагося ненужнымъ и даже вреднымъ дѣломъ, какимъ онъ считалъ литературу. „Мнѣ кажется, что ему хотѣлось бы совсѣмъ упразднить русскую литературу, а онъ считаетъ себя sehr gebildet", говоритъ о гр. Бенкендорфѣ А. О. Смирнова, весьма близко стоявшая къ тому кругу, который Бенкендорфъ считалъ своимъ [2]). Въ свою очередь, и Пушкинъ, естественно, не могъ любить Бенкендорфа, видя въ немъ недоброжелателя не только самому себѣ, но и тому дѣлу, которому поэтъ всецѣло принадлежалъ. А между тѣмъ Бенкендорфъ съумѣлъ овладѣть довѣріемъ Императора и сдѣлаться посредникомъ въ оффиціальныхъ сношеніяхъ его съ Пушкинымъ. Историку русской литературы приходится много пожалѣть объ этомъ посредничествѣ: будь на мѣстѣ гр. Бенкендорфа другой человѣкъ, съ иными взглядами на литературу и просвѣщеніе, и болѣе близкій къ духовнымъ интересамъ русскаго народа, отъ сколькихъ недоразумѣній былъ бы избавленъ великій поэтъ въ своихъ сношеніяхъ съ верховной властью, какъ бы много могло выиграть отъ этого его поэтическое творчество, бывшее въ тяжелой зависимости отъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ обстоятельствъ!

Впрочемъ, къ счастію, гр. Бенкендорфъ не былъ един-

---

1) Соч. II, стр. 30. Ср. М. И. Сухомлинова, Изслѣдованія и статьи, II, стр. 237.

2) Записки, стр. 45. Къ характеристикѣ гр. Бенкендорфа см. еще В. Стоюнина, Пушкинъ. Спб. 1881, стр. 291—292.

ственнымъ посредникомъ въ сношеніяхъ Государя съ Пушкинымъ: въ интимной обстановкѣ придворной жизни его замѣняло другое лицо, болѣе расположенное къ Пушкину и къ литературѣ, одна изъ образованнѣйшихъ женщинъ тогдашняго свѣтскаго общества, А. О. Смирнова, недавно изданныя записки которой представляютъ безспорно важный матеріалъ для изученія жизни и дѣятельности Пушкина въ царствованіе императора Николая I[1]).

Во время достопамятнаго свиданія Пушкина съ Государемъ въ Москвѣ осенью 1826 года, послѣдній дозволилъ поэту, вмѣсто обыкновенной цензуры, доставлять свои произведенія на просмотръ лично ему, Государю, который т. о. самъ дѣлался его цензоромъ. Такое совершенно исключительное положеніе могло бы предоставить Пушкину относительно его поэтическаго творчества весьма значительныя выгоды, если бы лицо, являвшееся въ этомъ случаѣ посредникомъ между Государемъ и поэтомъ, болѣе дружелюбно относилось къ Пушкину и его великому дарованію, но гр. Бенкендорфъ нашелъ въ этомъ актѣ милостиваго вниманія монарха источникъ новыхъ затрудненій для Пушкина. Едва лишь Пушкинъ, вернувшись изъ Москвы въ Михайловское, успѣлъ, 9 ноября 1826 г., съ восторгомъ увѣдомить Н. М. Языкова: „Царь освободилъ меня отъ цензуры. Онъ самъ — мой цензоръ. Выгода, конечно, необъятная", какъ черезъ три недѣли ему пришлось оправдываться и извиняться передъ гр. Бенкендорфомъ въ томъ, что, будучи въ Москвѣ, онъ читалъ въ рукописи, въ тѣсномъ кружкѣ друзей, свою трагедію „Борисъ Годуновъ" [2]). Бенкендорфъ увидалъ въ этомъ со стороны Пушкина ослушаніе высочайшей воли, выраженной во время московскаго свиданія, при чемъ предупредительно писалъ Пушкину: „прошу Васъ сообщить мнѣ, для разсмотрѣнія государя, всѣ и мелкіе труды блистательнаго вашего пера" [3]). Т. о., милость и довѣріе Государя обратились, черезъ посредство Бенкендорфа, въ нерасположеніе и

---

1) Замѣтки А. О. Смирновой о Пушкинѣ являются тѣмъ болѣе достовѣрными, что иногда онѣ были просматриваемы и исправляемы самимъ Пушкинымъ, такъ какъ Записки писались въ видѣ дневника (напр., стр. 272).

2) Соч. VII, стр. 188.

3) Тамъ же, VII, стр. 189.

полное недовѣріе къ поэту, для котораго совершенно закрылись двери обыкновенной цензуры, и который поставленъ былъ въ крайне затруднительную необходимость безпокоить Государя даже самой мелкой своей поэтической шалостью, предназначенной хотя бы не для печати, а лишь для сообщенія своимъ друзьямъ. Конечно, это не могло располагать Пушкина къ поэтическимъ работамъ, и мы должны положительно удивляться этому могучему источнику вдохновенія, этой живой потребности творчества, вызывавшей Пушкина на новые труды при такой безпримѣрно неблагопріятной обстановкѣ. Но Государь открылъ Пушкину другой путь для сношенія съ нимъ по литературнымъ дѣламъ — черезъ А. О. Смирнову, которую онъ шутя назначилъ при себѣ „курьеромъ" для доставленія ему новыхъ поэтическихъ произведеній Пушкина, ранѣе передачи ихъ гр. Бенкендорфу [1]). Пушкинъ, дѣйствительно, не одинъ разъ пользовался этимъ указаннымъ ему средствомъ и даже однажды составилъ цѣлый списокъ тѣхъ произведеній, которыя переданы были имъ Государю черезъ А. О. Смирнову [2]). Что въ этомъ желаніи Государя, чтобы Пушкинъ предварительно сообщилъ ему приготовленныя для печати свои произведенія, скрывалось не только милостивое вниманіе къ поэту, но и дѣйствительный интересъ къ его поэтической дѣятельности, на которую Государь смотрѣлъ какъ на гордость и славу Россіи, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Императоръ Николай I, какъ извѣстно, былъ настоящимъ любителемъ и тонкимъ цѣнителемъ литературы и искусства, хотя нерѣдко и подчинялся въ этомъ духу своего времени и, б. м., нѣкоторымъ условіямъ своего исключительно высокаго положенія. Онъ внимательно читалъ произведенія Пушкина не только какъ „цензоръ" (какъ онъ самъ выражался), но какъ доброжелательный къ автору знатокъ, нерѣдко дѣлая на поляхъ рукописей замѣтки и исправленія касательно содержанія и стиля, съ которыми иногда Пушкинъ совершенно искренно соглашался. Таково было, напр., весьма внимательное чтеніе Государемъ „Бориса Годунова", относительно котораго, впрочемъ, Пушкинъ старался до послѣднихъ предѣловъ отстаивать свободу своего

---

1) Записки, стр. 50, 221—222.

2) Тамъ же, стр. 320.

поэтическаго творчества, въ чемъ и успѣлъ, такъ какъ въ апрѣлѣ 1830 г. получилъ разрѣшеніе Государя напечатать трагедію въ томъ видѣ, какъ она написана, помимо цензуры, подъ собственной отвѣтственностью автора. Прочитавъ трагедію въ печатномъ экземплярѣ, Государь выразилъ поэту свое полное удовольствіе по этому поводу [1]). Въ разговорѣ въ семейномъ кругу, гдѣ часто заходила рѣчь и Пушкинѣ, Государь, какъ передаетъ А. О. Смирнова, выражалъ, что въ этой трагедіи всего больше ему нравятся: сцена Самозванца съ Мариной у фонтана, сцена монаха Пимена и сцена, гдѣ Борисъ даетъ совѣты своему сыну [2]). Столь же внимательно Государь читалъ, сопровождая замѣтками, „Графа Нулина“ [3]), „Анджело“ [4]), „Исторію Пугачевскаго бунта“ [5]).

Въ 1830 году Пушкинъ задумалъ жениться, и Государь, узнавъ объ этомъ, выразилъ свое удовольствіе и поручилъ передать поэту, что онъ находится подъ его (Государя) „отеческимъ попеченіемъ“ [6]), а черезъ нѣсколько времени самъ Пушкинъ писалъ П. А. Плетневу: „Царь со мною очень милъ“ [7]). Къ 1830 году относится и стихотвореніе „Герой“, написанное въ Москвѣ 29 сентября въ день пріѣзда Государя въ древнюю столицу по случаю холеры и вызванное этимъ благороднымъ поступкомъ Государя: Наполеонъ, о которомъ говорится въ стихотвореніи, нравится поэту всего больше именно въ аналогичный моментъ, когда онъ посѣтилъ въ Яффѣ госпиталь зараженныхъ чумою больныхъ, что, впрочемъ, нѣкоторыми оспаривается [8]). Въ 1831 году, послѣ женитьбы поэта, когда Государь поручилъ Пушкину заниматься историческими разысканіями о Петрѣ Великомъ въ архивахъ и назначилъ ему за это особое жалованье, съ зачисленіемъ на государственную службу, Пушкинъ съ благодарностью отзывался о Государѣ, увѣдомляя о томъ своихъ

1) Сухомлиновъ, Статьи и изслѣдованія, II, стр. 218—235. Ср. Соч. VII, стр. 222—223.

2) Записки, стр. 46, 221.

3) Соч. III, стр. 96.

4) Соч. III, стр. 593.

5) Соч. VI, стр. 300.

6) Соч. VII, стр. 223.

7) Соч. VII, стр. 226.

8) Соч. II, стр. 123.

друзей[1]). Этимъ порученіемъ было исполнено одно изъ желаній Пушкина (заняться историческими разысканіями), выраженное имъ Государю въ 1831 году; другое же — объ изданіи политическаго и литературнаго журнала — было отклонено[2]). Съ великой радостью принялъ Пушкинъ и знакъ вниманія Государя къ заслугамъ Н. И. Гнѣдича, выразившагося въ назначеніи его въ 1831 году членомъ Главнаго Правленія Училищъ: „оно (это назначеніе) — писалъ поэтъ П. А. Плетневу — дѣлаетъ честь Государю, котораго я искренно люблю и за котораго всегда радуюсь, когда поступаетъ онъ прямо по-царски“[3]).

Ко дню новаго 1834 года Пушкинъ былъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры. Поэтъ хорошо понималъ, что это былъ знакъ вниманія со стороны Государя сообразно его чину въ гражданской службѣ[4]); но такое пожалованіе было вмѣстѣ съ тѣмъ для него весьма непріятно, такъ какъ налагало на него новыя обязанности при дворѣ, не соотвѣтствовавшія ни его лѣтамъ, ни начинавшейся нелюбви къ суетѣ придворной и свѣтской жизни. Весной 1834 года Пушкинъ получилъ заимообразно отъ Государя значительную денежную поддержку на напечатаніе „Исторіи Пугачевскаго бунта“[5]). Матерьяльныя обстоятельства поэта находились въ это время въ незавидномъ положеніи. Женитьба не дала ему никакого обезпеченія, а, напротивъ, взвалила на него совершенно чуждыя ему заботы объ управленіи разстроенными имѣніями его новыхъ родственниковъ, которые видѣли въ немъ совсѣмъ не поэта, а лишь человѣка, способнаго сдѣлать блестящую внѣшнюю карьеру благодаря вниманію при дворѣ и связямъ въ свѣтскихъ кругахъ столицы. Жена его, по своимъ умственнымъ и душевнымъ качествамъ и по воспитанію, не способна была понять и оцѣнить внутренній міръ своего геніальнаго мужа и питала необычайную страсть къ баламъ и нарядамъ. Образъ жизни, который велъ въ это время Пушкинъ въ Петербургѣ, въ угоду своей женѣ и ея род-

---

1) Соч. VII, стр. 283 (къ П. А. Плетневу), 290 (къ П. В. Нащокину).

2) Соч. VII, стр. 277—279. Ср. Анненковъ, Воспоминанія и критическіе очерки III, стр. 247—248.

3) Соч. VII, стр. 262.

4) Соч. V, стр. 201; VII, стр. 340.

5) Соч. V, стр. 203.

нымъ, не только не соотвѣтствовалъ его склонностямъ, влекшимъ его чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе къ тихому кабинетному труду, но и превышалъ его матеріальныя средства, главнѣйшимъ источникомъ которыхъ были все тѣ же поэтическіе и литературные труды, для которыхъ онъ уже не находилъ въ своей семейной обстановкѣ достаточно благопріятныхъ условій. Съ каждымъ годомъ росли долги, унижавшіе поэта и отравлявшіе его жизнь. Въ такомъ душевномъ настроеніи, ища средствъ выйти изъ затруднительнаго положенія, Пушкинъ въ іюнѣ 1834 года подалъ прошеніе объ отставкѣ и думалъ оставить Петербургъ, прося вмѣстѣ съ тѣмъ сохранить за нимъ право посѣщать архивы. Прошеніе это произвело на Государя неблагопріятное впечатлѣніе, и хотя отставка была обѣщана, но одновременно съ этимъ выражено было явное неблаговоленіе и отказъ относительно архивовъ. Боясь подозрѣнія въ неблагодарности, Пушкинъ поспѣшилъ взять отставку назадъ [1]). Такъ это дѣло было пока оставлено, и о полномъ примиреніи съ Государемъ свидѣтельствуетъ извѣстное стихотвореніе 1834 года къ Н*, о происхожденіи котораго передаетъ любопытныя подробности Гоголь въ письмѣ къ В. А. Жуковскому. Былъ вечеръ въ Аничковомъ дворцѣ; въ числѣ приглашенныхъ былъ и Пушкинъ. Всѣ были въ сборѣ, шли оживленные танцы, но Государь еще не выходилъ: онъ удалился въ одну изъ отдаленныхъ комнатъ дворца, развернулъ Иліаду и увлекся ея чтеніемъ. Сойдя затѣмъ на балъ, онъ принесъ туда на лицѣ слѣды совершенно другихъ впечатлѣній [2]). Это и вызвало стихотвореніе Пушкина:

Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ;
Тебя мы долго ждали;
И свѣтелъ ты сошелъ съ таинственныхъ вершинъ,
И вынесъ намъ свои скрижали.
И чтожъ? Ты насъ обрѣлъ въ пустынѣ подъ шатромъ,
Въ безумствѣ суетнаго пира,
Поющихъ буйну пѣснь и скачущихъ кругомъ
Отъ насъ созданнаго кумира . . . и т. д. [3]).

Однако условія жизни Пушкина продолжали оставаться тѣ же, и черезъ годъ (въ іюнѣ 1835 года) онъ принужденъ

1) Соч. VII, стр. 360—362
2) Соч. Н. В. Гоголя, изд. X, т. IV (М. 1889), стр. 44.
3) Соч. II, стр. 168.

возобновить свое ходатайство, хотя и нѣсколько въ другой формѣ: онъ проситъ отпуска на нѣсколько лѣтъ въ деревню для поправленія своихъ дѣлъ и оставленія за нимъ права, если того дозволятъ обстоятельства, заниматься въ архивахъ: въ это время у него накопилось долговъ до 60.000 рублей, изъ которыхъ половина требовала немедленной уплаты. Государь предложилъ Пушкину шестимѣсячный отпускъ и 30.000 рублей [1]).

Это было существенной помощью для Пушкина, но такъ какъ главное въ жизни его, т. е. семейная обстановка и ея требованія, было по прежнему, то и послѣдній годъ его жизни исполненъ былъ тѣхъ же душевныхъ страданій съ прибавленіемъ новыхъ, о которыхъ здѣсь было бы не своевременно распространяться: все вмѣстѣ совершенно послѣдовательно привело къ трагическому событію 27 января 1837 года. Въ эти предсмертные часы Пушкинъ въ послѣдній разъ услышалъ ободрительный голосъ Государя, нетерпѣливо спрашивавшій о состояніи здоровья поэта и, въ случаѣ его смерти, обѣщавшій ему позаботиться о его женѣ и дѣтяхъ, что и было въ дѣйствительности исполнено. Жуковскій, описавшій въ письмѣ къ отцу поэта послѣдніе часы жизни Пушкина, передаетъ между прочимъ слова, обращенныя къ присутствующимъ по адресу Государя: „Попросите Государя, чтобы онъ меня простилъ", сказалъ онъ д-ру Арендту и потомъ, нѣсколько спустя, Жуковскому: „Скажи Государю, что мнѣ жаль умереть; былъ бы весь Его. Скажи, что я ему желаю долгаго, долгаго царствованія, что я ему желаю счастія въ его сынѣ, счастія въ его Россіи" [2]).

На этомъ оканчиваются взаимныя отношенія Государя и Пушкина.

Безъ сомнѣнія, Государь любилъ и высоко цѣнилъ Пушкина не только какъ поэта, но и какъ человѣка. Еще въ 1826 году, послѣ свиданія въ Москвѣ, Государь въ разговорѣ съ гр. Д. Н. Блудовымъ, восторженно отозвался о замѣча-

1) Соч. VII, стр. 379—380.

2) Анненковъ, А. С. Пушкинъ. Изд. 2. Спб. 1873, стр. 439, 441, 450.

тельномъ умѣ Пушкина и затѣмъ много разъ, по словамъ А. О. Смирновой, повторялъ этотъ отзывъ въ кругу близкихъ ему людей[1]). Это уваженіе къ уму поэта было причиною многихъ продолжительныхъ и весьма серьезныхъ разговоровъ, которые Государь любилъ вести съ Пушкинымъ, пользуясь для того то присутствіемъ на балѣ, то прогулкой въ Лѣтнемъ саду или иномъ мѣстѣ, то пребываніемъ въ самомъ тѣсномъ кружкѣ А. О. Смирновой, у которой Пушкинъ былъ постояннымъ гостемъ, и куда нерѣдко совершенно запросто любилъ заходить Государь. Въ этихъ разговорахъ рѣчь шла преимущественно о выдающихся лицахъ и событіяхъ русской исторіи, свѣдѣнія въ которой Государя поражали знающаго и начитаннаго Пушкина[2]); тутъ говорили о Петрѣ Великомъ и его сотрудникахъ, царевичѣ Алексѣѣ Петровичѣ, Елизаветѣ Петровнѣ и гр. Разумовскомъ, княжнѣ Таракановой, Волынскомъ, Биронѣ, Потемкинѣ, Суворовѣ, а также о царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, Косьмѣ Мининѣ, кн. Пожарскомъ, Ѳеофанѣ Прокоповичѣ, о крѣпостномъ правѣ, зло котораго вполнѣ признавалъ Государь, и проч.[3]). Возвращаясь послѣ такихъ бесѣдъ домой, Пушкинъ записывалъ ихъ содержаніе, о чемъ и счелъ долгомъ доложить однажды Государю, при чемъ обѣщалъ ему эти записки передъ смертью непремѣнно сжечь, что, кажется, и исполнилъ, такъ какъ, по сообщенію доктора В. И. Даля, свидѣтеля послѣднихъ часовъ жизни Пушкина, умирающій поэтъ велѣлъ сжечь при себѣ какой-то наполненный бумагами пакетъ. О поэтическомъ талантѣ Пушкина, какъ уже я замѣтилъ, Государь также имѣлъ весьма высокое понятіе, усердно читая, зная и помня многія его произведенія, дѣйствительно ими интересуясь и нерѣдко произнося о нихъ весьма вѣрныя и оригинальныя сужденія[4]). Точно также для Государя были внѣ всякаго сомнѣнія честность и прямота Пушкина и его замѣчательное душевное благородство, уничтожавшія нерѣдко въ откровенной бесѣдѣ то разстояніе, которое отдѣляло его, какъ подданнаго, отъ монарха[5]). Можно думать, что именно эти

1) Записки, стр. 2–3, 179.

2) Записки А. О. Смирновой, стр. 225.

3) Тамъ же, стр. 71—74, 178, 223, 225—226.

4) Къ тому, что сказано выше, см. еще въ Запискахъ А. О. Смирновой, стр. 84, 178, 184, 221.

5) Записки А. О. Смирновой, стр. 102—103, 178—179.

черты нравственнаго склада и характера Пушкина и были всего болѣе причиною особаго расположенія къ нему Государя съ памятнаго свиданія въ Москвѣ 1826 года, такъ какъ въ этихъ качествахъ Императоръ усматривалъ нѣчто родственное рыцарскимъ и благороднымъ наклонностямъ своей собственной природы. Вѣроятно, этой именно прямотѣ и благородству въ отношеніяхъ между Государемъ и Пушкинымъ съ обѣихъ сторонъ должно приписывать и сравнительную устойчивость въ ихъ добрыхъ отношеніяхъ, мало пострадавшихъ отъ клеветъ и доносовъ людей, которымъ близость поэта къ Государю была тяжелымъ уколомъ самолюбія и источникомъ злобной зависти [1]).

Въ свою очередь, Пушкинъ, хорошо понимавшій событія своего времени и далеко не склонный восторгаться всѣмъ, что вокругъ его происходило [2]), тѣмъ не менѣе совершенно искренно былъ преданъ Государю, высоко цѣня его умъ, прямодушіе и возвышенно-благородный характеръ [3]). За искренность всѣхъ восторженныхъ обращеній Пушкина къ императору Николаю I ручаются не только стоящій внѣ всякихъ сомнѣній безупречный характеръ великаго поэта, но и самый строй его общественныхъ и политическихъ убѣжденій, выработанный воспитаніемъ и духомъ времени, неотразимое вліяніе которыхъ носятъ на себѣ, какъ извѣстно, даже самые великіе умы и характеры [4]).

Мм. гг.! Изложивъ передъ вами извѣстные доселѣ факты взаимныхъ отношеній Императора Николая I и Пушкина, я позволяю себѣ, въ заключеніе, выразить увѣренность, что если великій поэтъ въ своихъ отношеніяхъ къ Государю обнаружилъ лучшія и благороднѣйшія черты своего ума, душевнаго склада и характера, то и Императоръ Николай I, въ свою очередь, не смотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства и препятствія, отнесся къ Пушкину съ той присущей ему добротой сердца, рыцарскимъ великодушіемъ и нерѣдко трогательнымъ вниманіемъ, которыя по справедливости составляютъ отличительные черты этой высокозамѣчательной личности нашей новѣйшей исторіи.

1) Записки А. О. Смирновой, стр. 57, 103.

2) Соч. VII, стр. 411 (письма къ П. Я. Чаадаеву, 1836 г.).

3) Записки А. О. Смирновой, стр. 94, 179.

4) Анненковъ, Воспоминанія и критическіе очерки, III, стр. 253—254.

Цѣна 20 коп.

Того же автора

(въ отдѣльныхъ изданіяхъ):

Древнія поученія на воскресные дни великаго поста. Спб. 1886. (Второе изданіе этого труда — въ „Памятникахъ древне-русской церковно-учительной литературы". Вып. III. Спб. 1897.)

Къ вопросу о Кириллахъ — авторахъ въ древне-русской литературѣ. Спб. 1887.

Серапіонъ Владимирскій, русскій проповѣдникъ XIII вѣка. Спб. 1888. Ц. 2 руб.

Нѣсколько новыхъ данныхъ изъ научной и литературной дѣятельности А. Х. Востокова Спб. 1890.

Изъ исторіи русской литературы XVII вѣка. Сочиненіе о царствіи небесномъ и о воспитаніи чадъ. Спб. 1893. Ц. 50 коп.

Матеріалы и замѣтки изъ исторіи древней русской письменности. I—III. Кіевъ 1894. Ц. 60 коп.

Очерки изъ литературной исторіи Синодика. Спб. 1895. Ц. 2 р. 50 коп.

Замѣтки о нѣкоторыхъ рукописяхъ, хранящихся въ библіотекѣ Историко-филологическаго Института кн. Безбородко. Кіевъ 1895. Ц. 50 коп.

Письма Н. В. Гоголя къ Н. Я. Прокоповичу (1832—1850). Второе изданіе, свѣренное по подлинникамъ, исправленное и пополненное, съ присоединеніемъ четырехъ писемъ Н. Я. Прокоповича къ Н. В. Гоголю (1847—1850) и двухъ фототипическихъ снимковъ. Кіевъ 1895. Ц. 60 коп.

Гимназія Высшихъ Наукъ князя Безбородко. Историческій очеркъ. Спб. 1895. Ц. 50 коп.

А. С. Грибоѣдовъ. Рѣчь. Кіевъ 1895. Ц. 25 коп.

О нѣкоторыхъ басняхъ Крылова въ педагогическомъ отношеніи. Кіевъ 1895. Ц. 10 коп.

О главнѣйшихъ направленіяхъ въ русской литературѣ XVIII-го и первой четверти XIX-го вѣка. Вступительная лекція. Юрьевъ 1895. Ц. 25 коп.

Изъ бумагъ П. І. Шафарика и В. В. Ганки. Къ исторіи русско-чешскихъ ученыхъ и литературныхъ сношеній въ первой половинѣ XIX вѣка. Юрьевъ 1896. Ц. 50 коп.

О пессимизмѣ И. С. Тургенева. Юрьевъ 1897. Ц. 25 коп.

Изданія, при которыхъ обозначена цѣна, можно получать въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени" (А. С. Суворина) и у автора (Юрьевъ, Университетъ).

